

КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

ПОДЗЕМНОЕ СЕЛО

— Подумаешь, Владими́ръ—городокъ —
Мос-квы уголокъ; и далече ли? Рукой
подать: всего—то два—девяноста; и на
большой дорогѣ, и мѣсто торговое. А что—
то Божьяго благословленья нѣтъ: никто во
Владимірѣ не разживался, истиннику не
хватаетъ, купцы перебиваются кой—какъ и
живутъ, словно только въ гости прїѣхали; и
городъ бѣденъ, нѣтъ тамъ никому, что
называется, ни наживы, ни покою, ни дна,
ни покрышки.

— На все, братецъ ты мой, есть причина,
сказалъ другой собесѣдникъ: — давнымъ—
давно, еще знать при великихъ князьяхъ,
владимірцы согрѣшили передъ Богомъ,
посамовольничали, не приняли
архипастыря, хотѣли своего, что ли,
поставить.... хоть и давно было, а вотъ
даромъ не прошло: и понынѣ зовутъ ихъ

святыонами, и никакое дѣло у нихъ не спорится. Отцы терпкое поѣли, а на внуковъ оскомина пала....

— Нѣть, сударь ты мой, началь третій: — вотъ Василь-Сурскъ городокъ, такъ ужъ на томъ, видимо, лежить гнѣвъ Божій. Городъ на двухъ судоходныхъ, рыбныхъ рѣкахъ; мѣсто бойкое, самое торговое, рыболовство хорошее — кто сурской стерляди не знаетъ? она и въ Питерѣ и въ Москвѣ въ одной цѣнѣ со шекспинскою; и сбыть на этомъ мѣстѣ всякому товару; внизъ и вверхъ по Сурѣ мѣста хлѣбородныя, земли обильныя, хлѣбная торговля, и обороты по ней большиe; проѣздъ на всѣ четыре стороны, разгонь такой, что, казалось бы, одними постоялыми дворами надо городу разбогатѣть. А нѣть тебѣ вотъ ничѣмъ — ничего; бѣдность такая, что развѣ только съ голью потягается; городъ обнищалъ, народъ измощенничался — голышъ на плутѣ, плутъ на голышѣ, да плутомъ погоняетъ.... А отчего? Нѣть Божьяго благословенія. Когда, въ старинные годы, васильсурцы

стали вдругъ наживаться, какъ повалила имъ деньга со всѣхъ сторонъ, такъ они забыли Бога, забыли и добрыхъ людей. Три церкви у нихъ развалились, а имъ не до того было, чтобы, себя сберегая, позаботиться о Божьемъ домѣ; всѣ три церкви до того развалились, что службу остановили. Вотъ и согрубили васильцы передъ Господомъ и каются теперь. Что ни дѣется на свѣтѣ, все по грѣхамъ нашимъ. За беззаконіе и встарь погибали и нынѣ погибаютъ, да, виши ты, не вѣримъ. Господь долго терпитъ, да больно бѣть. Вотъ послушайте бывальщину:

Въ Олонецкой губерніи, въ глухомъ бору, среди такого болота, что лѣтомъ, почитай, ъзды туда не было, стояли рядомъ двѣ деревеньки; одна—таки коренная была, а другая выселокъ изъ нея, какъ стало тѣсно. Поляна выдалась чистая, сухая, травная, водопускъ гребнемъ шель поперекъ, по серединѣ, и только тутъ по немъ и были каменья; а то все хорошая земля, хоть и не такъ много ея было; да тамъ, братъ, и клокъ доброй земли въ

диковину. Одна деревня, на изволокѣ, по одну сторону водопуска, другая по другую; изъ одной, черезъ гребень, только видѣнъ крестъ деревянной церковки, которая стояла по ту сторону ската. То коренное село было, а это выселокъ. Вотъ какъ разселились мужички мои на этомъ привольѣ, да какъ принялись бабы рожать дѣтей — оно и опять тѣсно стало, и земли маловато, пришлось искать промысла. Питеръ подъ бокомъ, заработка есть; стали ребята туда ходить, исталось такъ, что изъ этихъ деревень пошли все столяры да конфетчики. Такъ и завелось: старики да бабы пашутъ, а молодцы всѣ въ Питерѣ, въ конфетчикахъ да въ столярахъ; а черезъ годъ либо два идутъ домой съ денежками, на поправу хозяйству; а побывавъ дома, опять въ Питеръ. Эта шатущая жизнь ихъ, видно, и поразбаловала, и вышло много ребята разгульныхъ и пропойныхъ.

Вотъ какъ-то по осени и воротилось ихъ домой изъ Питера много; пришли ватагой, Богу не помолились, а за вино, за пѣсни да пляски. Деньги съ ними были, — вотъ и

задумали складчиной погулять. Оно, конечно, попировать и погулять, послѣ долгой отлучки, можно, отпраздновать, то есть, благополучный приходъ, и, пожалуй, угостить деревенскую братію, да знай часъ и мѣру и время; а они затѣяли это въ господень праздникъ, да съ утра: попъ въ колоколь, а они за ковши. Собрались они всѣ въ одну деревню, въ село то есть, въ ту, гдѣ стояла церковь, и всѣ забились въ одну избу. Пошла у нихъ попойка такая, что дымъ коромысломъ: празднословятъ, богохульствуютъ, перепились, себя не помнятъ, — а въ церкви, насупротивъ, служба идетъ. Соблазнили, окаянные, весь міръ: всѣ, виши, обрадовались приходу своихъ, никому не захотѣлось отстать отъ попойки — такъ церковь и осталась пустою. Какъ заблаговѣстили къ достойной, то у нихъ шумъ и крикъ поднялся пуще прежняго, инно въ церкви слышно стало, и самъ священникъ, смущаемый соблазномъ великимъ, оглянулся въ ту сторону, откуда слышались крикъ и пѣсни....

Въ это самое время вошелъ въ избу къ пирующимъ незваный гость, не прошеный, съ кѣмъ дай Богъ вѣкъ не встрѣчаться и въ быляхъ его не поминать: мохнатый, черный, какъ есть, съ рогами, со змѣинымъ хвостомъ, — вошелъ и наготы своей не прикрыль; только что большой порожній мѣшокъ у него подъ мышкой: не морочить, стало быть, пришелъ, а ужь прямо за своимъ дѣломъ, съ обухомъ. Пришелъ, да и сталъ въ дверяхъ. Мужики мои, пьяны, не пьяны, а всѣ отрезвились; хотять крестъ сотворить, покаяться, ань ужь и рука не подымается: больно врасплохъ ихъ сердечныхъ застали. Вотъ онъ и сталъ считать ихъ: это мой, говорить, первой, и другой мой, и третій мой, а на котораго пальцемъ укажетъ, тотъ и сидить, только головой мотаетъ да глазами хлопаетъ, а ужь безъ рукъ, безъ ногъ, безъ языка. Пересчитавъ всѣхъ, досталъ онъ изъ—подъ мышки мѣшокъ, встряхнуль его, да взяль вотъ этакъ въ лѣвую руку, а правой рукой и пошелъ хватать ихъ да сажать въ мѣшокъ; возьметъ за голову, ровно кочерышку

приподыметь съ мѣста, да живьемъ его въ мѣшокъ, а какъ, слышь, приподыметь котораго, то руки да ноги ровно плети болтаются....

— А кто жь тутъ чужой есть? сказалъ онъ, осерчавъ: — не нашимъ духомъ пахнетъ?

А на печи сидѣла дѣвочка хозяйская, годовъ десяти. Она прижалась, ни жива, ни мертвa; а какъ только заревѣль онъ, что кто-то чужой есть, то она, перекрестясь, какъ мать учила, да кубаремъ съ печи, да въ окно, да давай Богъ ноги, что есть духу, безъ оглядки, прямо по дорожкѣ бѣжитъ, и сама не знаетъ, не понимаетъ куда, сама читаетъ Богородицу, хоть ужъ не всю, а сколько знала.... за собою слышитъ она грохотъ, стукъ, голоса, крикъ, визгъ, хохотъ.... не оглядывается бѣдняжка, а бѣжитъ, что есть духу, да, перевалясь черезъ водопускъ, все прямо, и, прибѣжавъ въ ту деревеньку, упала замертво.

Сошлись люди, сбѣжались сосѣди, кто не былъ у обѣдни, подняли дѣвочку — черезъ силу могла выговорить, что съ нею

сталось. Слушая ее, нехотя люди стали оглядываться на гребень, на село, да и дивуются: какъ такъ? не видать за горой церкви; куда она дѣвалась? Вышли на гребень — нѣтъ деревни, нѣтъ ничѣмъ—ничего. Паръ либо дымъ киселемъ стоять на томъ мѣстѣ. Сдивовался народъ, крестится, стоять и смотрить: что это будетъ?

Сталъ туманъ прочищаться, а по срединѣ объявилась гора. Стоять вотъ будто споконъ—вѣку, а ея не было прежде никогда. На горѣ сидитъ черный пѣтухъ; онъ захлопаль крыльями, прокричаль трижды и пропалъ. Прочистился наконецъ туманъ: и мѣста не знать, гдѣ деревня стояла; гора на этомъ мѣстѣ, а вокругъ горы, кольцомъ, разлилось озеро, а вокругъ озера болото. Такъ они, мужики мои, поглядѣли, развели руками и пошли по домамъ.

Деревня пропала, а къ горѣ и къ озеру нѣть приступу: болото лѣтомъ не пересыхаетъ, зимою не замерзаетъ. Пѣтухъ повременамъ сидить на вершинкѣ, на горѣ, когда туманъ

разстилается понизу, только молчить, не хлопаетъ крыльями, не кричить. Въ праздники Господни, въ иную пору, слышенъ звонъ колокола на озерѣ, то ровно по покойнику перезваниваетъ, то къ обѣднѣ благовѣстять, — а какъ зазвонять къ достойной, то озеро и забушуетъ и забурлитъ.... послѣ опять все утихнетъ, будто ничего не бывало. Сказываютъ, что и колоколь ину пору, по ночамъ, на берегъ выкатывается и опять уходить на дно; сказываютъ, будто вся гора на озерѣ пловучая и что вѣтромъ подгоняетъ ее то ближе къ одному берегу, то къ другому; сказываютъ еще, будто разъ какъ-то молитвами проходящаго инока церковь стала было подыматься и крестъ уже выказался изъ воды: тогда пѣтухъ опять появился на горѣ, а гора поплыла на то мѣсто, гдѣ выказался крестъ, и накрыла все.... съ тѣхъ поръ никто болѣе ни церкви, ни креста не видаль; а только послѣ сильной бури озеро выкидываетъ на берегъ, что выбѣть водой изъ потонувшаго села, со дна озера: черепья,nochвы, деревянныя

**ложки, берестянки, туески, обечайки. А изо
всего села этого никто не спасся, ни одна
душа, кромъ этой дѣвочки.**

В.ДАЛЬ
